Текст · 4 декабря 2019, 12:30
Никита Сологуб,

Синдром отмены. Как гособвинение страхуется от оправдательных вердиктов в суде присяжных

Никита Сологуб изучил восемь дел, в которых вышестоящая инстанция отменила оправдательный приговор, вынесенный районным судом на основе вердикта присяжных — и составил перечень уловок, которые позволяют стороне обвинения заранее подстраховаться на случай неудобного для нее решения заседателей.

«Только это не я». Как пенсионер пошел кормить собак, а оказался в СИЗО

10 ноября 2017 года 62-летний житель бурятского села Новая Брянь Иван Михайлов вышел из квартиры и отправился за кормом для трех своих собак, живших на «фазенде» — дачном участке в километре от дома. По пути Михайлов встретил свою ровесницу Татьяну Матвееву — раньше они много общались, но несколько лет назад женщина пропала из виду. На ее лице пенсионер заметил царапины и синяки.

«"Спрашиваю, что с тобой?" — "Да вот, дети. Невестка с сыном меня. Денег им дала, все что есть, а им все мало" — "А сейчас куда?" — "Да вот, ходила к магазину, хотела взять поесть чего. Но денег нет, иду голодная теперь. Помоги деньгами, если возможность есть" — "А что надо-то?" — "Ну хлеба хотя бы, — говорит. —

Лапши, а я приготовлю что-нибудь". Ну я зашел да и купил этот хлеб с лапшой», — вспоминает пенсионер.

Передав продукты знакомой и немного проводив ее, пенсионер отправился по своим делам. На «фазенде» он покормил собак, спустил их с цепи и пошел убираться в вольере. После уборки Михайлов заметил, что старшая из собак пропала, вышел за калитку, огляделся и увидел, что она «стоит, бедная, качается, а с груди кровь пузырями». Не успел хозяин подойти к раненой собаке, как та свалилась замертво. Озадаченный пенсионер поднес труп поближе к ограде, закрыл калитку и пошел искать виновника случившегося.

Миновав несколько домов, Михайлов услышал сдавленный стон, доносившийся со стороны мусорной кучи. На земле он разглядел лежащего человека: лицо скрыто капюшоном, рука окровавлена; дачник подошел ближе, стянул капюшон — и узнал Татьяну Матвееву, которой только что покупал хлеб и лапшу. Матвеева, говорит пенсионер, хоть и теряла сознание, произнесла: «Иван, как же больно».

Перепуганный Михайлов, у которого не было с собой мобильного телефона, побежал к ближайшему дому и стал стучать в ворота, но открывшая ему соседка не знала, как позвонить в «скорую». Хозяев следующего дома на месте не оказалось. Вызвать медиков удалось лишь с третьей попытки. Фельдшер и водитель погрузили женщину в машину; вызывать полицию они не стали. Потом скорая уехала, и пенсионер отправился домой. По пути он еще раз зашел в продуктовый.

Когда домой к Михайлову приехали полицейские, он сидел перед телевизором в той же одежде, в которой вернулся с «фазенды». Оперативники попросили проехать с ними к мусорной куче, у которой дачник нашел Матвееву. «Я им сразу рассказал про собаку, хотел показать, куда ее перебросил — они так глянули мельком и пошли в избушку мою. А там уже по полной просветили, все кровь искали — думали, что я там ее зарезал, намекали на это всячески. Я говорю — да что хотите со мной делайте, только это не я», — вспоминает пенсионер.

На следующий день не признававшего вину Михайлова отправили в СИЗО по обвинению в убийстве (часть 1 статьи 105 УК). В ходе расследования неопровержимых доказательств против него так и не появилось. Экспертиза одежды, которая была на пенсионере в день преступления, не выявила следов крови, кроме собачьей — несмотря на то, что на теле Матвеевой эксперты насчитали 18 ножевых ранений. Не нашли следов крови ни в дачном домике, ни на квартире Михайлова. Дважды пройденное им исследование на полиграфе подтвердило, что об обстоятельствах смерти знакомой обвиняемый ничего не знает. Не оказалось в деле и свидетелей, которые могли бы видеть само убийство или якобы предшествовавшую ему ссору — по версии следствия, преступление произошло на фоне «внезапно возникших неприязненных отношений», когда пенсионер и его знакомая выпивали во дворе «фазенды». Орудие убийства найдено также не было.

Доказательством, положенным в основу обвинения, стала видеозапись опроса потерпевшей, сделанная следователем за несколько минут до ее смерти.

Умирающая женщина упоминает имя Михайлова, сбивчиво рассказывая о походе за продуктами, а потом произносит: «Я помогла ему корм для собак донести. Выпила с ним на "фазенде". А потом он меня наклонил и бил сильно ножом. Даже не знаю, за что».

Михайлов попросил о суде присяжных. Они рассматривали дело в Заиграевском районном суде Бурятии полтора месяца — за это время суд провел десять заседаний. Защитник Павел Мурзин пытался убедить заседателей в том, что потерпевшая на момент опроса испытывала болевой шок, осложненный кислородным голоданием мозга и алкогольным опьянением, поэтому была неадекватна, а следователь задавал умирающей наводящие вопросы, которые позже вырезал из записи. Заседатели адвокату поверили — 11 октября 2018 года Михайлова единогласно оправдали и отпустили на свободу.

Однако уже в январе следующего года Верховный суд Бурятии удовлетворил апелляционное представление прокуратуры и согласился с тем, что в ходе процесса защита неоднократно допускала нарушения: в частности, ставила под сомнение полноту продемонстрированной видеозаписи и оглашала показания Михайлова, согласно которым Матвеева жаловалась, что ее избивал сын. Оправдательный приговор был отменен. Пенсионер снова оказался в СИЗО, а в суде ему пришлось еще раз выслушать материалы уголовного дела, которое он и так уже знал наизусть. «Все одинаковое, иногда слово в слово, так что с ума сходишь. Только заседатели другие, да прокуроры — хотя оба полковники», — вспоминает он.

На этот раз для вынесения решения присяжным понадобилось два месяца и 17 заседаний. Михайлова снова оправдали — и снова единогласно. После этого Верховный суд России предписал Верховному суду Бурятии проверить законность отмены первого оправдательного приговора. Во второй раз изучив доводы прокуратуры, суд назвал их «голословными».

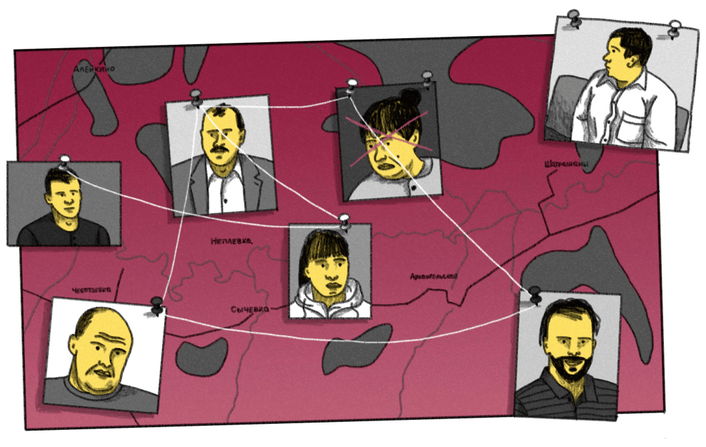

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Исключение из правил. Почему пенсионер Михайлов должен считать, что ему повезло

Сейчас Михайлов на свободе. Снова обжаловать оправдательный приговор гособвинение не стало — вместо этого прокурор Заиграевского района принес Михайлову письменные извинения за необоснованное привлечение к уголовной ответственности. Поскольку за пенсионером признано право на реабилитацию, сейчас он ждет решения о компенсации.

«Не считая, что у меня фактически отняли два года жизни, я влетел на кругленькую сумму: 100 тысяч одному адвокату, 100 тысяч другому, а где их взять-то пенсионеру? Ладно еще дети помогали. Про здоровье вообще молчу — хожу на прогревания и к невропатологу постоянно, нога отклеивается. До сих пор спать не могу — в СИЗО все время урывками спишь, тюрьма есть тюрьма. Вот и я теперь дома так же — тюрьма теперь повсюду со мной», — смеется Михайлов.

Пенсионер уверен, что добиться оправдания ему удалось только благодаря присяжным — «простым жителям Заиграевского района», которые «не отправили бы за решетку невиновного человека». Если бы следствие по делу Михайлова закончилось на три месяца раньше, возможности просить о суде присяжных у него бы не было. Поправки, допускающие формирование коллегий в судах не только регионального значения — республиканских, областных и краевых — но и в обычных районных, вступили в силу лишь 1 июня 2018 года.

Одновременно законодатели сократили состав коллегий: в судах субъектов присяжных стало восемь,

а не 12, а в районных и гарнизонных военных судах — и вовсе шесть с двумя запасными.

Если раньше присяжные могли участвовать только в особо сложных процессах (а в судах субъектов чаще рассматриваются именно такие дела), то теперь доверить свою судьбу заседателям могут и обвиняемые в заурядных преступлениях. Так, к компетенции присяжных с прошлого года отнесены статьи 105 УК (убийство), часть 4 статьи 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего), часть 5 статьи 228.1 и часть 4 статьи 229.1 (сбыт и контрабанда наркотиков в особо крупном размере), а также составы статей 277, 295, 317 (посягательство на жизнь госдеятеля, лица, осуществляющего правосудие или расследование либо на сотрудника правоохранительных органов). И если последние три статьи остаются экзотическими, то дела по трем первым российские суды рассматривают ежедневно, и в абсолютном большинстве[1] случаев это приводит к обвинительному приговору.

На фоне постоянного снижения числа оправдательных приговоров в обычных судах (к примеру, такую тенденцию замечала омбудсмен Татьяна Москалькова — в 2017 году оправдательных приговоров было вынесено на 20% больше, чем в 2018-м) их количество при рассмотрении дел с участием присяжных кажется аномальным. Так, за весь 2018 год, со второй половины которого коллегии появились в районных судах, с участием присяжных были осуждены 428 человек, а оправданы — 90, то есть почти каждый пятый. В следующем

отчетном периоде склонность присяжных не доверять обвинению проявилась еще ярче — за первые шесть месяцев 2019 года с участием присяжных были осуждены 375 человек, а оправданы — 104.

«Хотя это все равно лишь капля в море — мы за тысячу дел в год не перевалили даже с учетом этого расширения, по сути, институт присяжных заседателей — это едва ли не единственный способ добиться оправдания. Поэтому число людей, дела в отношении которых рассматриваются судом присяжных, будет в дальнейшем только расти. В царской России с участием присяжных рассматривалось 20 тысяч дел в год — если тогда бюджет страны позволял, то и сейчас позволит, лимит еще долго не будет исчерпан», — говорит советник федеральной палаты адвокатов России Сергей Насонов, вот уже пять лет собирающий информацию об институте суда присяжных на посвященном ему сайте.

Однако, если присмотреться к судебной статистике внимательнее, дело пенсионера Михайлова, оправдательный приговор в отношении которого устоял в апелляции, покажется скорее исключением.

Во втором полугодии 2018 года, когда поправки о рассмотрении дел с участием коллегии заседателей в районных судах вступили в силу, апелляционная инстанция, по данным Судебного департамента при Верховном суде, которые опубликовала[2] в «Ведомостях» социолог Екатерина Ходжаева из Института проблем правоприменения, отменила 21% оправдательных приговоров (6 из 29). В первом полугодии 2019 года доля отмененных

оправдательных приговоров составила уже 37% (22 из 59).

Чтобы понять, какими способами обвинение добивается отмены не устраивающих его приговоров, «Медиазона» нашла и изучила еще семь уголовных дел, которые, подобно делу Ивана Михайлова, были направлены на пересмотр после оправдательного вердикта присяжных в районном суде.

«Присяжные что, с другой планеты должны быть, что ли?». Почему прокуроры знают о заседателях больше, чем они сами

12 декабря 2018 года Дрожжановский районный суд Татарстана оправдал 24-летнего Максима Солдатова, обвинявшегося по части 1 статьи 105 УК (убийство). Как рассказывает его адвокат Виктор Харитонов, Солдатов — «простой парень из деревни Шатрашаны в Ульяновской области, нередко злоупотребляющий алкоголем, перебивающийся случайными заработками».

Общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели формируются на основе данных об избирателях из ГАС «Выборы». Имена случайным образом отбирает компьютерная программа, после чего список кандидатов в присяжные оформляет местная администрация. Ограничения перечислены в законе «О присяжных заседателях» — ими не могут быть люди младше 25 лет, имеющие непогашенную судимость,

признанные недееспособными, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство, или имеющие «хронические психические расстройства».

«По сути, это все взрослое население — по-моему, когда проводилась реформа с районным судами, в списки по всей России входило 4 млн человек, — говорит адвокат Сергей Насонов. — Поскольку кандидаты формируются из избирательных списков, это формируется и ценз оседлости — то есть попасть в него могут только те лица, которые так долго проживают на этой местности, что находятся среди избирателей. Территория зависит от того, для чего эти списки составляются — если для районного суда, то, очевидно, заседатели должны проживать в районе рассмотрения дела, если для регионального — в регионе. Но Россия — большая страна, и районы везде разные. Если на первый процесс в районном суде с участием присяжных в Москве пришли сразу 40 кандидатов, то в отдаленных районах Сибири повезет, если придет человека три. Поэтому законодатель установил, что если не получается сформировать коллегию из проживающих в одном районе, то заседатели берутся из так называемых судебных округов, которые включают в себя сразу несколько районов».

По версии следствия[3], осенью 2017 года Солдатов пошел в продуктовый магазин в селе Татарские Шатрашаны и поссорился с 68-летним местным жителем по фамилии Хаяров, который, как говорит адвокат Харитонов, «был, по сути, бомжом, одиноким

сельским алкоголиком». Солдатов рассказал о конфликте своему отчиму, который посоветовал извиниться перед пожилым мужчиной. Спустя почти год, в ночь на 27 июля 2018 года, обвиняемый на мотоцикле возвращался домой из соседнего села Богдановка вместе со своей подругой Александрой Становой. Оба были пьяны — как отмечает адвокат, «мертвецки». Следствие настаивало, что по пути Солдатов якобы вспомнил о конфликте с Хаяровым и отправился за 50 километров в Татарские Шатрашаны, чтобы извиниться перед ним, однако извинения тот не принял, и тогда молодой человек зарезал своего оппонента.

Полицейские задержали Солдатова и его подругу через три дня; по словам адвоката, оба тогда страдали от синдрома отмены после запоя. «Их раза три возили в полицию в состоянии коматозном. В отделении им наливали. В таком состоянии Максим написал явку с повинной — что Хаяров, которого на суде все описывали как мягкого человека, одинокого алкаша, оскорбил его, рассказал ему, как он вступал в половую связь с его матерью, что он из-за этого оскорбился и решил убить его. Его подруге эту явку показали, пригрозили, что вы, если не дадите нужные нам показания, будете проходить в качестве соучастника, а если нет, то будете освобождены. Она согласилась — алкоголичка в запое, которую шантажировали алкоголем. И получается, что его явка с повинной вместе с ее показаниями легли в основу обвинения. Максима заключили под стражу», — рассказывает защитник Харитонов.

Когда Солдатов заключил соглашение с адвокатом, он отказался от своих первоначальных показаний.

Отказалась от них и Станова. Молодой человек попросил рассматривать его дело в суде присяжных. Процесс начался в октябре 2018 года. Защита указывала на нестыковки в явке с повинной — в частности, адвокат предоставил справку о том, что отчим Солдатова лежал в больнице в тот день, когда, по версии следствия, посоветовал сыну извиниться перед потерпевшим. Кроме того, присяжные, набранные из числа жителей района, в котором было совершено убийство, прекрасно знали местные дороги и не поверили, будто пьяный молодой человек на старом мотоцикле вообще мог преодолеть такое расстояние за указанное в материалах дела время. В результате уже в декабре — после семи заседаний — коллегия единогласно вынесла оправдательный вердикт, а обвиняемого отпустили из-под стражи. Однако через два месяца Верховный суд Татарстана, рассмотрев апелляционное представление прокурора, отменил приговор.

Суд согласился с доводами обвинения, указавшего, что «при формировании коллегии присяжных [пятеро кандидатов] сокрыли о себе информацию». Как следует из апелляционного определения-, при отборе председательствующий спрашивал кандидатов, знакомы ли они друг с другом и есть ли у них ранее судимые близкие родственники. Все они ответили отрицательно. Однако после оправдательного вердикта прокурор предоставил суду справки о том, что четверо заседателей с 1983 по 1988 год учились в параллельных классах одной школы, еще трое живут на одной улице, а у одной из присяжных муж имеет судимость за кражу. Суд расценил это как нарушение статьи УПК-

[4], обязывающей кандидатов в коллегию правдиво отвечать на вопросы председательствующего. В результате 1 февраля 2019 года оправдательный приговор был отменен, и Солдатов вновь оказался в СИЗО.

Второй его защитник Максим Горбушин уверен, что гособвинение располагало биографическими данными присяжных с самого начала процесса и держало их «как козырь в рукаве» на случай оправдательного вердикта.

«На обжалование дается десять дней, а они уже на третий это апелляционное представление подали. То есть очевидно, что эта информация у них уже была, и они ее держали для подстраховки», — уверен он.

Судя по изученным «Медиазоной» уголовным делам, несообщение присяжными о знакомстве друг с другом — наиболее частая причина отмены оправдательных приговоров. При этом, объясняет адвокат Сергей Насонов, закон «О присяжных» не содержит прямого запрета на участие знакомых в одной коллегии. «Это было бы странно — человек не может выбирать знакомых. Вся проблема — в так называемом обмане, ведь когда стороны формируют коллегию, они рассчитывают на правдивые ответы присяжных. <...> На стадии беседы стороны задают вопросы: "Поднимите руку те из вас, кто знаком с участниками процесса". Никто не поднимает. Но ведь чаще всего коллегия формируется в рамках одного населенного пункта, поэтому найти доказательства знакомства обвинению, зачастую, вовсе не сложно», — рассуждает он.

Такие же, как и в деле Солдатова, причины для отмены оправдательного приговора обнаружились еще в двух апелляционных определениях, изученных «Медиазоной». Так, приговор в отношении 65-летнего электрика из Тулы Владимира Андреева, обвинявшегося в приготовлении к покушению на судью и помощника прокурора [5] («Медиазона» подробно писала об обвинении), был отменен на основании справки от гендиректора местного завода резинотехнических изделий, согласно которой подсудимый работал на предприятии одновременно с одной из присяжных.

«У нас было 44 кандидата, каждому задавалось более 30 вопросов. И вопрос под номером 23 звучал так: «Знакомы ли кому-либо из заседателей участники судебного процесса?». Все единогласно ответили, что нет. Через две недели после оправдательного приговора прокурор отправляет апелляцию, в которой пишет, что одна из присяжных соврала. Потом в ходе рассмотрения мы просим ознакомиться с материалами и видим такой сюрприз — справку, в которой заявление от одной из присяжных в прокуратуру. Так и написано[6]: «Я, будучи присяжным заседателем, не сообщила, что знакома с Андреевым». Далее — справка от директора завода, что присяжная работала в одной лаборатории, а я — в другой. То есть, что мы работали на одном заводе в течение 24 лет. Но этот завод — огромный, я там вообще мало кого знаю. Это же абсурд полный, мракобесие — присяжные что, с другой планеты должны быть, что ли?» — возмущается Андреев. Сейчас повторный процесс по его делу идет в Пролетарском районном суде Тулы.

Об отмене приговора по причине знакомства двух присяжных гособвинитель просил и в деле 59-летнего Рафаэля Сабирова из татарстанского города Агрыз, которого присяжные оправдали в апреле 2019 года. По версии следствия, мужчина распивал спиртное в комнате у своего соседа по общежитию и упрекнул хозяина в том, что месяц назад тот якобы украл у него телефон. В завязавшейся ссоре Сабиров нанес оппоненту не менее пяти ударов ножом, после чего ушел в свою комнату. Задержали его на следующий день — в ходе обыска оперативники нашли в кармане куртки нож, а экспертиза позже обнаружила на клинке кровь потерпевшего.

Сабирова обвинили в убийстве (часть 1 статьи 105 УК), но вину он не признавал и настаивал-[7], что нож ему не принадлежит. Верховный суд

Татарстана отменил оправдательный приговор, как того и требовал прокурор, ссылаясь на знакомство присяжных — но по другой причине. Как сказано в апелляционном определении, одна из кандидаток — учительница начальных классов — попыталась взять самоотвод из-за занятости в школе; после этого обе стороны заявили ей мотивированный отвод[8],

но судья рассудил иначе и оставил учительницу в коллегии. Верховный суд усмотрел в этом нарушение процедуры отбора.

Для Сабирова отмена приговора обернулась колонией: как говорилось в пресс-релизе СК, он получил 12 лет строгого режима. О том, что ранее мужчина был оправдан, в ведомстве упоминать не стали.

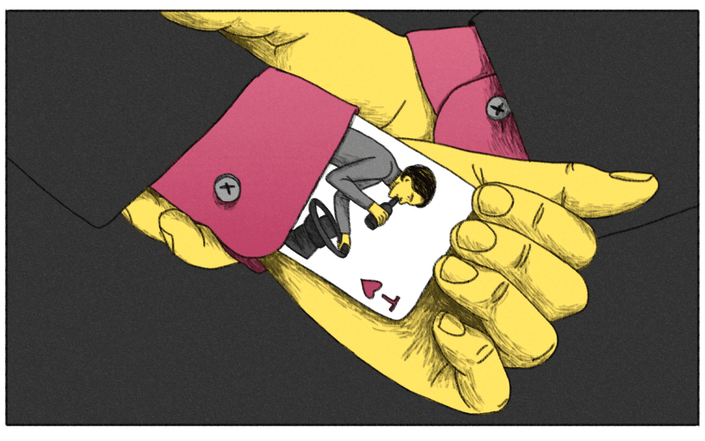

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Реальный срок после отмены оправдательного приговора должен был получить и Максим Солдатов — ему дали шесть с половиной лет колонии. По словам адвоката Виктора Харитонова, второй процесс проходил «в усеченном виде», а коллегия состояла сплошь из жителей другого района Татарстана, которые не знали особенностей местных дорог. Однако апелляция отменила и этот обвинительный вердикт, направив дело на новое рассмотрение. В третий раз присяжные снова оправдали Солдатова. 11 октября 2019 года этот приговор все же устоял в апелляции.

> Еще одна нередкая причина отмены приговоров — нарушение так называемого «правила трех часов». Согласно ему, присяжные могут выйти из совещательной комнаты раньше, чем через три часа, только в том случае, если ответы на все поставленные вопросы приняты ими единодушно, а не в результате голосования. В противном случае председательствующий должен обратить внимание присяжных заседателей на допущенное нарушение и предложить им вернуться в совещательную комнату для продолжения обсуждения. Однако на практике судья может и не сделать этого; именно это привело к отмене обвинительного приговора в отношении Максима Солдатова.

При этом адвокаты фактически лишены возможности указать судье на подобные нарушения, поскольку не видят ответы присяжных до оглашения вопросного листа. «Выходят присяжные, вручают судье вопросный лист, но что там написано, есть ли там противоречия и пометки, указано ли там количество голосов, проголосовавших за или против, мы не знаем, потому что судья молча читает вопросный лист и передает его старшине. Поэтому соблюдение «правила трех часов» мы по факту проконтролировать и не можем, вот в чем парадокс», — объясняет адвокат Сергей Насонов. В деле жительницы Самары Елизаветы Кенешовой судья, увидев, что голоса заседателей разделились в вопросном листе поровну, объявил перерыв. На следующем заседании один из присяжных изменил свое решение — тогда результаты подсчета в вопросном листе были попросту перечеркнуты. Защита узнала об этом только после того, как вердикт зачитали.

Вспомнить все. Почему оправдательный приговор могут отменить из-за ДТП 14-летней давности

Закон «О присяжных» не содержит запрета на участие в коллегиях людей, чьи родственники имеют судимость, однако несообщение такой информации также может послужить основанием для отмены оправдательного приговора. «Медиазона» изучила три таких случая.

17 октября 2017 года родственники школьного учителя из удаленного якутского села Дебдирге Владимира Парфенова заподозрили неладное: тот перестал отвечать на звонки. Придя к Парфенову домой, они обнаружили его труп с ранами на голове. Как показала позже экспертиза, мужчина погиб двумя днями ранее. Вскоре по подозрению в преступлении был задержан местный житель, подрабатывающий водителем такси — Николай Попов; последние несколько дней односельчане видели его на улицах пьяным и в дурном настроении.

В тот же день он был арестован и признал вину: по версии следствия, Попов ехал на машине к приятелю, проезжая мимо дома Парфенова, увидел, что у того горит свет, зашел на огонек и предложил хозяину выпить, а когда тот отказался, избил его. Дело было квалифицировано по части 4 статьи 111 УК (причинение тяжких телесных повреждений, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего). Когда материалы передали в суд, Попов отказался от признательных показаний и попросил рассмотреть его дело с участием присяжных.

В ходе процесса защита настаивала, что Попов к смерти знакомого непричастен, а признательные показания были получены под пыткой электрошокером. «Это деревня, и там отопление — печное. Когда печку топят, если раньше времени закрываешь крышку, которой закрывается дымоход, то человек может угореть угарным газом и отравиться. Мы настаивали на том, что потерпевший отравился угарным газом и упал сам, и получил те телесные повреждения, которые у него были, на лице.

В пользу нашей версии говорил, к примеру, тот факт, что, когда к нему пришли родственники, дверь была закрыта изнутри, и света не было. А как он мог встать и закрыться? После того, как был избит, встал и пошел закрыть?» — рассказывает защитница таксиста Нина Протопопова.

За невиновность Попова высказались четверо присяжных из шести, и 22 октября 2018 года он был оправдан. Вскоре приговор отменили. Согласно апелляционному определению, ни один из кандидатов в присяжные не поднял руку, когда на стадии отбора председательствующий задал вопрос: «Есть ли среда вас лица, имеющие родственника, привлеченного в настоящее время к уголовной ответственности или привлекавшегося ранее?». Когда присяжные уже вынесли вердикт, прокуратура представила справку, согласно которой за полгода до начала процесса по делу Попова муж одной из заседательниц был осужден условно — по той же статье 111 УК, но по более мягкой части 2 (причинение тяжких телесных повреждений с применением оружия).

«Хотя вопрос, заданный председательствующим при отборе присяжных заседателей, не входит в перечень круга вопросов, установленных законом «О присяжных» и УПК, но он был задан председательствующим, а кандидаты в присяжные заседатели обязаны отвечать на вопросы правдиво, что не сделала кандидат в присяжные», — заключили в Верховном суде Якутии.

По той же причине и по похожему делу был отменен оправдательный приговор, вынесенный Ревденским

районным судом Свердловской области по итогам процесса над 56-летним Александром Яренских.
В августе 2017 года охранник боулинг-клуба и бывший дознаватель Яренских пошел рыбачить со своим 54-летним товарищем Василием Зубакиным. Домой подсудимый вернулся с разбитым лицом и на «Ниве» приятеля. Позже на допросе Яренских рассказал, что рыбалка сопровождалась распитием спиртного, в какой-то момент Зубакин ударил его, он «потерял память», а, очнувшись и заметив отсутствие товарища, сел в его машину и уехал. Охранник проходил по делу свидетелем, пока через год не были найдены останки потерпевшего. Несмотря на то, что мягкие ткани трупа не сохранились, Яренских арестовали; согласно обвинению, он нанес приятелю удар ножом в шею и угнал его автомобиль.

В судебном процессе защита оспаривала само событие преступления. «Мы уверены, что смерть наступила по естественным причинам. Был жаркий день, 32 градуса, большое количество спиртного, человек — пожилой. То, что он умер именно от удара ножом — это выдумка Следственного комитета, достоверно это установить невозможно, так как ни тканей тела не осталось, ни орудия преступления», — говорит защитник Яренских Евгений Евстигнеев.

3 апреля 2019 года Яренских оправдали четырьмя голосами против двух. Вскоре Свердловский областной суд отменил приговор, указав, что одна из кандидаток в присяжные скрыла информацию о судимости своего сына в 2004 году. «Там был вопрос поставлен так, что она просто без умысла на него не ответила, двояко был сформулирован, а

у нас присяжные не обязаны владеть юридической терминологией», — объясняет Евстигнеев.

Наконец, в июне 2019 года был отменен оправдательный приговор, вынесенный двумя месяцами ранее присяжными в Задонском районном суде Липецкой области 31-летнему Максиму Стародубцеву, обвинявшемуся в убийстве риэлтора. По версии следствия, убитый не заплатил за работу другу подсудимого. «Медиазона» подробно писала об этом деле.

Как следует из апелляционного определения, после оправдательного приговора гособвинение предоставило документы, согласно которым бывшая жена одного из присяжных привлекалась в 2005 году за вождение в пьяном виде (часть 1 статьи 264 УК), которое привело к ДТП.

«Поскольку кандидат в присяжные, отвечая на вопросы гособвинения и защитника, скрыл информацию о привлечении его бывшей супруги к уголовной ответственности, <...> суд апелляционной инстанции находит обоснованными и мотивированным доводы [прокуратуры] о том, что стороны были лишены возможности в полной мере воспользоваться своим правом на отвод указанного кандидата в присяжные заседатели», — постановили в Верховном суде Липецкой области.

Гособвинение может представить суду информацию о судимости родственников еще на стадии отбора кандидатов, однако сознательно не делает этого вплоть до приговора, уверены адвокаты Попова и Яренских.

«Я не верю в то, что гособвинение не знало, что муж одной из присяжных был судим — это ведь произошло весной 2018 года, а у нас заседание состоялось осенью. И как сама присяжная могла об этом забыть? Ладно бы 15-20 лет назад это случилось, но не за полгода ведь забываешь», — говорит защитник Протопопова.

В деле Яренских информация о судимости сына присяжной была доведена до судьи в виде ответа на запрос[9] прокуратуры из информационного

центра МВД; в документе сказано, что сведения запрашиваются в связи с привлечением родственника заседательницы к уголовной ответственности.

«Но никто его к уголовной ответственности, естественно, не привлекал, просто прокуроры сначала негласно по своим каналам через знакомых оперативников каких-нибудь пробили информацию о судимости, а потом вот таким образом решили ее легализовать. Я на апелляции сразу заявил, что это нарушение конституционного принципа охраны частной жизни граждан. На каком основании прокурор проводил проверку судимости сына одного из присяжных? Я понимаю, если бы эта проверка проводилась в отношении самих присяжных, но проверять родственников закон не разрешает. И проверяются они не перед формированием судебной коллегии, а лишь после того, как прокуратура получает не устраивающий ее судебный вердикт. Но

ведь защита такой возможности лишена, а у нас принцип равноправия сторон еще никто не отменял», — сетует адвокат Евстигнеев.

По итогам второго процесса в отношении Яренских присяжные вновь вынесли оправдательный вердикт. В октябре приговор вступил в законную силу, устояв в апелляционной инстанции.

Еще раз оправдан был и Попов, однако приговор ему затем вновь отменили — сейчас дело заново рассматривается в том же Усть-Алданском районном суде.

Смешение позиций. Как запутать присяжных, если не уверен в себе

Более экзотический способ заложить в оправдательный приговор основания для его будущей отмены — задавать присяжным вопросы, которых в вопросном листе быть не должно. По мнению адвоката Юрия Шевченко, именно так поступило гособвинение в деле 28-летнего жителя поселка Лучегорск Приморского края Романа Храмова.

> Согласно УПК, по каждому из преступлений, в совершении которых обвиняется подсудимый, перед присяжными должны быть поставлены три основных вопроса: доказано ли, что преступление было совершено; доказано ли, что его совершил подсудимый; доказано ли, что подсудимый виновен в его совершении. При этом кроме основного вопроса о виновности подсудимого

> в вопросном листе могут содержаться и так называемые частные вопросы, которые уточняют степень виновности. Хотя формулирует вопросный лист председательствующий, стороны вправе высказывать свои замечания и вносить предложения о постановке новых вопросов, а судья обязан учитывать их при формировании листа.

Храмова обвиняли в покушении на убийство муниципального депутата и профессионального каратиста Тоштемира Тиллаева. По версии следствия, в октябре 2017 года Тиллаев вместе со своим учеником пришел в ночной клуб, где отдыхал пьяный Храмов; между ним и спутником депутата завязалась словесная перепалка, оппоненты вышли на улицу, но Тиллаев вступился за ученика и стал бить его обидчика.

«Драку увидели приятели подсудимого, кто-то дал ему пистолет травматический в горячке. Он выстрелил в потерпевшего четыре раза, в грудь, тот повалил его и стал пытаться отобрать пистолет. Храмов отбился рукояткой пистолета. В дальнейшем резиновые пули извлекли, он даже не потерял сознания. А в справке ему нарисовали якобы проникновение в плевральную область и раны на голове, которые на самом деле от рукоятки были, тоже расценили как огнестрельные. Был использован административный ресурс. В обвинительном заключении в итоге написали, что Храмов стрелял целенаправленно, желая причинить потерпевшему смерть», — уверяет адвокат Шевченко. Стрелявшего обвинили в покушении на убийство (часть 3 статьи 30, часть 1 статьи 105 УК).

На стадии обсуждения вопросного листа сторона защиты от постановки частных вопросов отказалась, а обвинение, рассказывает Шевченко, «чувствуя слабость своей позиции в квалификации произошедшего как покушения на убийство, попыталась поставить вопросы так, чтобы по ним произошедшее больше походило на превышение пределов необходимой обороны».

«Вопросы были очень длинные, и в них намеренно смешивалась позиция защиты и обвинения. Например, мы говорили, что раны на голове образовались от удара рукояткой пистолета, а сторона обвинения — что это раны от выстрелов. Но прокуратура сформулировала так, что в одном вопросе говорилось и про выстрелы, и про удары рукояткой пистолета, это полный абсурд. Суд, естественно, отказал, мы тоже против такой

формулировки высказались — в итоге остались только три основных вопроса. Присяжные довольно быстро, за полтора часа всего лишь, единогласно ответили на них, что Храмов оправдан», — вспоминает адвокат.

Приговор был отменен спустя два месяца. В апелляционном определении Приморский краевой суд указал, что судья должен был прислушаться к обвинению и упомянуть в вопросном листе причины, по которым преступление не было доведено до конца, однако не сделал этого. Сейчас дело Храмова рассматривается в Пожарском районном суде заново.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Это ведь единственный шанс на оправдание»

Статистические данные Верховного суда не позволяют вычислить точный процент отмены оправдательных приговоров по делам, которые рассматривались с участием присяжных в районных судах. Однако, по словам адвоката Нины Протопоповой, в Якутии такие приговоры были отменены все до одного.

Такая же ситуация, по данным адвоката Евгения Евстигнеева, сложилась и на Урале. При этом обвинительные приговоры не отменяются почти никогда — из всех исследованных «Медиазоной» дел исключением можно назвать лишь дело Максима Солдатова из Татарстана, которого после оправдания приговорили к реальному сроку, а затем оправдали вновь.

«По сути, с учетом ничтожного процента оправданий в обычных процессах, это ведь единственный шанс на оправдание. Но даже его не дают! Я просто удивляюсь, почему, например, если вердикт есть, если существенных нарушений нет, то зачем отменять-то? Если шесть человек приняли решение, отменять по каким-то процессуальным основаниям — ну разве это правильно? Для чего тогда вообще нужны присяжные? Зачем нам этот институт?» — возмущается Протопопова.

Защитница из Якутии называет отмену таких решений растратой бюджетных денег: помимо того, что все присяжные получают зарплату и при желании могут жить в гостиницах, малонаселенным северным регионам приходится тратиться еще и на транспорт — при формировании коллегии по делу ее доверителя Попова нескольких кандидатов в присяжные пришлось доставлять из ближайших населенных пунктов на вертолетах.

Все собеседники «Медиазоны» из числа адвокатов, работавших в процессах с присяжными, сходятся в одном — гособвинение любой ценой добивается отмены оправдательного приговора. Если такой

приговор устоит, наказание понесут и следователи, и прокуроры, говорят они.

«Во всем мире оправдательные приговоры — это нормально. И только у нас почему-то сотрудников СК и прокуратуры считают виноватыми в этом, потому они и бьются до конца, в том числе и не совсем законными способами», — говорит адвокат Евгений Евстигнеев.

«Любой оправдательный приговор — это минус системе, это значит, плохо сработало обвинение, следствие. Это плохо сработал прокурор, когда направлял дело в суд, то есть не усмотрел нарушений. И, соответственно, получается круговая порука. Оправдательный приговор в нашей системе воспринимается как порок, хотя не должно быть такого. В свое время на совещании судья Мосгорсуда Ольга Егорова сказала судьям нижестоящих судов районов Москвы: «Вы, конечно, можете выносить оправдательные приговоры, но только если будете уверены, что их не отменит Мосгорсуд». Москва у нас — главный регион, поэтому все остальные восприняли это как руководство к действию», — добавляет Юрий Шевченко.

Советник Федеральной палаты адвокатов Сергей Насонов видит проявление двойных стандартов в том, что оправдательные приговоры отменяются в подавляющем большинстве случаев, а обвинительные — почти никогда.

«Только одно это само по себе говорит о разных стандартах, а в судопроизводстве их быть не должно. И дело тут даже не столько в желании

гособвинения отменить эти приговоры, а в таком торможении самой судебной системы. Изначально в ней есть отпечаток недоверия к оправданиям, негативного отношения вообще к этому виду решений, который укоренился у нас. Можно говорить о том, что существует два разных стандарта проверки приговоров — один стандарт к оправдательным, которые должны быть идеальными, лощеными, и второй стандарт к обвинительным, где можно закрывать глаза на нарушения, которые в другом виде приговора его сломали бы однозначно», — считает он.

Способ застраховаться от отмены оправдательного приговора, который Насонов советует коллегам — провести процесс «хирургически чисто», без малейших нарушений. «Стандарты проверки оправдательного приговора — они во много раз жестче, чем стандарты проверки обвинительного. Такая зависимость есть. Поэтому, если приговор оставлен в силе, его можно использовать как эталон — потому что это значит, что процесс был проведен кристально чисто, стерильно, если вообще никаких нарушений не происходило. Поэтому они с такой тщательностью вчитываются, всматриваются, ведь ошибки — они везде есть. Потому что очень сложный процесс, очень сложная процедура, тем более наличие присяжных в зале, конечно, накладывает отпечаток на производство по делу», — говорит юрист.

Ограничить возможности для злоупотреблений со стороны гособвинения Насонов предлагает законодательно. «Если информация о судимости или знакомстве с другим присяжным была получена до вердикта, то она должна быть доведена до суда в тот же момент. Должна быть исключена

сама ситуация, при которой все эти факты о присяжных всплывают уже после вынесения решения. Не было ни одного случая, когда судья дал обвиняемому 10 или 20 лет лишения свободы, а прокурор вдруг обнаружил, что у присяжного родственник судим, и этот приговор отменил. Это происходит только после оправдательного вердикта, поэтому нужно установить категорический запрет на собирание информации о присяжных после вердикта, категорический. Вердикт вынесен — все, никаких сборов, ни о родственниках, ни о друзьях. Абсолютный нормативный запрет, — считает адвокат. — Если у прокурора есть сведения о том, что присяжный обманул при формировании коллегии стороны, он об этом обязан заявить до вердикта. Вот и все. Думаю, что в этой ситуации эта манипулятивная технология, которая просто направлена на выискивание оснований для отмены приговора, она сойдет на нет. Иначе — это колоссальный пробел в законе».

Редактор: Дмитрий Ткачев. Редакция благодарит за помощь в подготовке материала Анастасию Садовскую и Анну Маврину.

Исправлено 11 декабря 2019 года. *Статистические подсчеты автора заменены точными данными Судебного департамента, которые социолог Екатерина Ходжаева опубликовала в газете «Ведомости».*

1. Согласно статистике судебного департамента при Верховном суде, в 2018 году по статьям об убийстве без участия присяжных были осуждены 7 921 человек, из них оправданы — 86, по статье о наркотиках

— 96 447, из них оправданы — 47, по статье о причинении тяжкого вреда здоровью — 31 383 человека, из них оправданы — 73.

2. Отчеты на сайте судебного департамента Верховного суда позволяют посмотреть данные либо за первое полугодие, либо за весь отчетный год, однако у Ходжаевой, по ее словам, есть доступ к закрытому профилю департамента.

3. Версия следствия приводится со слов защиты, которая отказалась предоставить письменные материалы дела.

4. Часть 3 статьи 328 УПК — «Формирование коллегии присяжных заседателей».

5. В 2015 году дочь Андреева Юлию приговорили к 11 годам колонии, признав ее виновной в сбыте и покушении на сбыт наркотиков. Отец настаивал, что суд не учел психическое расстройство девушки.

6. Копия документа есть в распоряжении «Медиазоны».

7. Это следует из пресс-релиза СК; адвокаты Сабирова по назначению отказались разговаривать с «Медиазоной».

8. Подробнее об этой стадии отбора присяжных говорится ниже.

9. Есть в распоряжении «Медиазоны».